

Сирийская интервенция как критический стресс-фактор для российского флота

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 494
Ноябрь 2017 г.

Павел К. Баев
Институт исследований мира, Осло

Крупнейший за всю недолгую историю празднования дня ВМФ России военно-морской парад в Санкт-Петербурге 30 июля 2017 года был призван продемонстрировать всему миру и лично президенту В.В. Путину возросшую мощь российского флота.

Главнокомандующий торжественно сообщил сверкающим золотом на белоснежной форме адмиралам, что ВМФ является гарантом статуса России как великой державы.

Высочайшие заверения не могут развернуть тенденцию нарастающей перегрузки флота амбициозными задачами, так же как свежие слои краски не могут скрыть глубокой ржавчины. Путин оценил по достоинству питерское шоу (хотя и не поехал в Кронштадт, куда специально пригнали огромный, хотя и давно бездействующий, подводный крейсер *Дмитрий Донской*), но запросы на расширение финансирования оставлены без ответа. Можно с уверенностью предположить, что ему было приятнее принимать парад возле памятника Петру, нежели рядом с Мавзолеем, но с еще большей уверенностью можно ожидать, что новая [госпрограмма вооружений 2027](#) жестко урежет большинство проектов ВМФ.

Нагрузка на корабельный состав флота (за исключением стратегических ракетносцев) резко возросла с началом военной операции в Сирии, которая вряд ли будет [существенно сокращена](#) после недавнего провозглашения победы. В этой записке анализируется воздействие сирийской интервенции на ближайшие перспективы модернизации (равно как и де-модернизации) российского флота. Выводы сводятся к тому, что роль подводных сил флота существенно возрастет, крылатые ракеты морского базирования станут главной

ударной силой, но нарастающее недофинансирование технического обеспечения и ремонта приведет к снижению боеготовности и росту аварийности.

Сверхзадачи, размытые приоритеты, неусвоенные уроки

За 10 дней до морского парада Путин [подписал указ](#) об Основах государственной политики в области военно-морской деятельности на период до 2030 года, который по сути является доктринальным документом, хотя формально и не имеет такого статуса. Название подразумевает постановку приоритетов и перевод общих целей в конкретные задачи, но ничего практически важного из этого указа вычитать невозможно. Главным его содержанием является расширенный по максимуму набор установок, требующих от ВМФ полной готовности к отражению всех возможных угроз интересам безопасности России. Он отражает нарастание этих угроз, обусловленное разворачивающейся конфронтацией с Западом, но умалчивает о сокращении ресурсов, выделяемых на оборону в целом и военно-морскую «деятельность» в частности, неизбежном ввиду длительной экономической стагнации.

Перечень угроз и опасностей включает такие пассажи как «военное давление на Российскую Федерацию в целях... ослабления ее контроля над Северным морским путем – исторически сложившейся национальной транспортной коммуникацией Российской Федерации», что трудно совместить с реальной картиной развивающегося международного сотрудничества в Арктике. Такое нагнетание угроз и отсутствие трезвых оценок собственных возможностей дает все основания Дмитрию Горенбургу, известному американскому аналитику российских военных проблем, [характеризовать](#) путинский указ как «очередной залп в арьергардных боях российского флота за свою долю в оборонном бюджете».

Несбыточная мечта советских адмиралов усилить ВМФ полноценными [авианосцами](#) прописана в новой военно-морской политике, что едва ли приблизит ее к осуществлению. Северодвинские верфи перегружены заказами на подводные крейсера, «Звезда» в Приморье должна специализироваться на газовозах, Балтийский завод [срывает сроки](#) строительства серии атомных ледоколов, так что свободных мощностей в судостроении не предвидится. Отсутствие технологической базы не позволяет приступить даже к строительству универсальных десантных кораблей, которые могли бы стать заменой французским «Мистралям». Развал этого контракта остается большим вопросом для ВМФ, и заявления о ненужности таких кораблей делаются параллельно с заверениями о

постройке [собственных вертолетоносцев](#) в самом ближайшем будущем. В реальности, флоту придется перестраивать боевой состав и планировать развертывание эскадр без крупных надводных кораблей. Изношенные «Петр Великий» и «Адмирал Кузнецов» отправляются на длительные ремонты, и новым флагманом будет старый атомный крейсер «Адмирал Нахимов», все-таки прошедший [модернизацию](#). Такая безрадостная перспектива четко задается почти сверстанной Госпрограммой вооружений 2027, в которой наиболее болезненные и, по всей видимости, пока еще преуменьшенные сокращения финансирования приходятся именно [на долю флота](#).

Одной из самых затратных статей в новой Госпрограмме останется центральный приоритет все еще тянущейся Госпрограммы 2020 – ввод в строй нового поколения стратегических подводных крейсеров класса «Борей» (Проект 955). Три подводные лодки этого класса вошли в состав Северного и Тихоокеанского флотов, и еще пять находятся в постройке, что вполне компенсирует предстоящее списание четырех атомных ракетноносцев. Серьезной и старательно замалчиваемой проблемой остается надежность главной системы оружия новых подлодок – ракеты «Булава». Программа ее испытаний так и не завершена, и по ходу [учений стратегических сил](#) в октябре 2017 года, ни одна «Булава» не полетела.

Концентрация усилий на продвижении Проекта 955 привела к растягиванию сроков осуществления второго приоритетного Проекта 885, предусматривающего столь же масштабное введение в строй ударных атомных подводных лодок класса «Ясень». Головной крейсер «Северодвинск» вошел в боевой состав Северного флота в 2014 года после 20 лет строительства; вторая подлодка «Казань» спущена на воду только весной 2017 года и [проходит испытания](#). Сроки завершения строительства еще пяти заложенных крейсеров остаются неопределенными, и хотя [американские эксперты](#) дают превосходные оценки боевым характеристикам «Ясней», остается неясным, какие именно проблемы привели к необходимости модернизации этого проекта. Насколько решены технические проблемы с Проектом 677 (дизельные подводные лодки класса «Лада»), выявленные по ходу эксплуатации головного корабля «Санкт-Петербург», переданного флоту в 2010 году, также неясно, но командованию флота пришлось согласиться на [продолжение](#) этой серии после многократно перенесенного ввода в строй еще двух подлодок. Быстрее идут дела со строительством дизельных подлодок класса «Варшавянка» (Проект 636.3, разработан в середине 1970х годов): [шесть кораблей](#) вошли в состав Черноморского флота в 2015-2017 годах, две строятся и еще четыре законтрактованы для Тихоокеанского флота.

Усугубляющаяся разбалансированность состава флота, в котором будут все больше доминировать подводные силы, снижает его способность решать многие задачи, в том числе и связанные с «демонстрацией флага». Даже если реализация Проекта 22350 (головной фрегат серии «Адмирал Горшков» спущен на воду в 2010 году, но еще не принят флотом) и Проекта 11356 (головной сторожевой корабль «Адмирал Григорович» в строю с 2016 года) пойдет по плану, количество этих относительно современных кораблей к началу следующего десятилетия не превысит десятка. Единственное, что позволяет ВМФ претендовать на статус океанского флота, это принятие на вооружение ракетной системы «Калибр», которая может работать даже с небольших надводных платформ. Вопрос о готовности к развертыванию гиперзвуковой противокорабельной ракеты «Циркон» остается открытым, но она не может обеспечить ВМФ способность к потенциальному противостоянию с ВМС США и их союзников. Слабостью российского флота остается большое количество устаревающих кораблей различных серий и классов, и внедрение новых кораблей мелкими сериями усугубляет проблемы технического обслуживания и ремонта, которые традиционно финансируются по остаточному принципу.

Усталость от сирийских перегрузок

Российская интервенция в Сирии, начатая с огромным резонансом в конце сентября 2015 года, открыла новую страницу в анналах российской военной истории, хотя ее масштаб и уступает советским «воздушным мостам», протянутым в Египет и Сирию в начале 1970х годов. Эта демонстрация способности к проецированию силы далеко за периметром российских границ должна была доказать, помимо прочих контр-революционных задач, вновь обретенную глобальную мобильность вооруженных сил, в том числе флота. Главным инструментом в этой «войне без необходимости» стала смешанная эскадрилья так называемых воздушно-космических сил (а в сущности, конечно же, ВВС), переброшенная на быстро переоборудованную воздушную базу Хмеймим возле не затронутой боевыми действиями Латакии. Эффективность действий этой группировки оказалась высокой превыше ожиданий, а уровень потерь остается приемлемым. По мере осуществления плана локализации войны за пределами нескольких «зон де-эскалации», Россия перебрасывала в Сирию и другие части, включая военную полицию, в также отряды квази-частных компаний, таких как пресловутая «[группа Вагнера](#)».

Роль ВМФ часто оставалась в тени сообщений об авиаударах и [погибших генералах](#), а между тем эта роль была критически важной, и флоту пришлось мобилизовать максимум

усилий для ее исполнения. Главной задачей была и остается доставка большого объема боеприпасов (в том числе и для сирийской армии) и тыловое снабжение российской группировки. Уже в первый месяц боевых операций стало ясно, что у флота не хватает судов для решения этой задачи, и в Турции были [срочно закуплены](#) 6-8 старых сухогрузов, которые получили статус вспомогательных судов. Этого оказалось достаточно для наращивания группировки в Сирии по ходу острого кризиса в отношениях с Турцией, вызванного скоротечным воздушным боем 24 ноября 2015 года. Уже в марте 2016 года Путин объявил о сокращении российской группировки вдвое, но нагрузка на флот ощутимо не уменьшилась. Так в первые шесть месяцев 2017 года, большой десантный корабль «Цезарь Куников» (спущенный на воду в Гданьске в 1986 году) совершил [шесть рейсов](#) между Новороссийском и Тартусом. Постоянная перегрузка стала, по всей видимости, главной причиной аварии 27 апреля 2017 года, когда средний разведывательный корабль «[Лиман](#)» затонул в 17 милях к северу от Босфора после столкновения с румынским судном, на борту которого были 8000 овец. Эта небоевая потеря вызвала [немалую панику](#) в командовании ВМФ, пока не выяснилось, что разведывательная аппаратура этого «ветерана» (спущенного на воду в том же Гданьске в 1970 году) не представляет интереса для НАТО.

В поддержку воздушной интервенции в Восточном Средиземноморье была развернута оперативная группировка флота, которая лишь изредка отмечалась в маломощном пункте базирования в Тартусе. С июня 2015 года до конца января 2016 года флагманом этой эскадры был ракетный крейсер «Москва», но столь длительный круиз привел к тому, что возрастной корабль (спущен на воду в 1982 году) придется ставить на длительный ремонт, который – по просьбам крымских трудящихся – будет проведен не в Северодвинске, а в [Севастополе](#), где верфи не позволяют провести даже минимальную модернизацию. Кульминацией демонстраций морской силы должно было стать развертывание в Восточном Средиземноморье единственного в ВМФ тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов» в ноябре 2016 года. Итоги этого боевого применения оказались посредственными: авиаудары были менее эффективными, чем штурмовиками Су-25 с авиабазы Хмеймим; два самолета (Миг-29К и Су-33) были потрясены при посадке. Теперь относительно молодому (спущен на воду в 1987 году), но крайне изношенному кораблю предстоит длительный ремонт, и смета на его модернизацию уже [урезана вдвое](#) до 25 миллиардов рублей.

Бесперебойное снабжение сирийской операции остается главным достижением ВМФ, но серьезным успехом стал также опыт боевого применения крылатых ракет «Калибр». Первый залп был нанесен четырьмя кораблями Каспийской флотилии 7 октября 2015 года, и [пуски с подводных лодок](#), проходящих через Восточное Средиземноморье по пути в Черное море, продолжают до сих пор. Целей, достойных таких ударов, у сирийских мятежников, скорее всего, никогда не было, но корабли ВМФ получили ценный опыт, а Россия доказала наличие нового потенциала неядерного сдерживания. Впрочем, как отметил [Николай Соков](#), для полноценного потенциала необходимы «полностью интегрированные средства управления, разведки, обнаружения целей», и сложности в создании «космического компонента разведывательно-ударного комплекса» отодвигают его «достижение зрелости» примерно на семь лет.

Единый, но массированный ракетный удар США по сирийской авиабазе Эш-Шайрат 6 апреля 2017 года выявил и [серьезные слабости](#) в российской системе ПВО, которая должна была перекрывать воздушное пространство между Латакией и Тартусом, и ограниченность возможностей российских платформ по сравнению с двумя американскими эсминцами («Росс» и «Портер» класса «Арли Берк»), которые выпустили 59 крылатых ракет. Российский ВМФ продемонстрировал свои возможности в ходе учений «Запад-2017», но для того, чтобы провести маневры в [Балтийском](#) и [Баренцевом](#) море пришлось практически полностью вывести эскадру из Восточного Средиземноморья. Перенапряжение сохраняется, и «победа» в Сирии едва ли позволит снизить нагрузку на силы флота.

Последствия и перспективы

Накопленный в сирийской операции стресс будет сказываться на боеготовности российского флота в течение многих лет, особенно если его доля в Госпрограмме вооружений 2027 будет урезаться по мере нарастания проблем с ее осуществлением. Четыре флагманских корабля – «Адмирал Кузнецов», «Петр Великий», «Москва» и «Варяг» - должны проходить длительный ремонт, но на верфях Северодвинска, которые готовы к приему кораблей таких классов, будут форсированными темпами строиться подлодки классов «Борей» и «Ясень», что гарантирует срывы сроков по всем программам. Самой острой проблемой, однако, являются десантные корабли: Большие десантные корабли Проекта 775 (особенно три корабля первой серии постройки 1970х годов, но также 9 кораблей второй серии постройки 1980х годов) и Проекта 1171 (четыре корабля

постройки 1960-1970х годов) изношены до крайности, но лишь два корабля Проекта 11711 планируется ввести в строй, при этом головной корабль этой мини-серии «[Иван Грен](#)», начатый постройкой в 2004 году, до сих пор не вошел в состав флота.

Российское кораблестроение серьезно пострадало из-за западных санкций, и еще больше – из-за разрыва кооперационных связей с Украиной, а [масштабы коррупции](#) в Объединенной Судостроительной Корпорации (ОСК) только возрастают с каждым скандальным разоблачением. Нет смысла сравнивать эту ситуацию с кораблестроением в США, куда пошли новые инвестиции, но даже на фоне поступательного наращивания мощностей в Китае, обеспечивающих быстрое усиление военного флота, российские претензии на поддержание [статуса второго флота в мире](#) по боевым возможностям выглядят неубедительно. Неизбежный упадок военно-морской мощи (за исключением подводных лодок) будет размывать позиции России на Ближнем Востоке. Интервенция в Сирии позволила укрепить эти позиции, в основном благодаря невразумительности стратегии США, и создала впечатление готовности России к новым экспериментам в проецировании воздушной и морской силы. Это впечатление долго не продержится, поскольку заявления о победе и выводе войск не могут скрыть того факта, что Сирия стала ловушкой, из которой Россия не может выбраться без серьезных политических потерь. Необходимость прямой военной поддержки режима Башара аль-Асада лишает Россию какой-либо гибкости и свободы рук в применении силы. Недавнее соглашение о возможности использования [авиабаз в Египте](#) вызвало новую волну предположений о намерении России осуществить военную интервенцию в Ливии. За скобками таких спекуляций остается тот факт, что ВМФ решительно не в состоянии обеспечить снабжение даже ограниченной операции. С таким же успехом можно рассуждать о геополитическом смысле появления [российской базы](#) в Судане.

Все эти умозрительные построения могут быть опровергнуты в любой момент, если еще один из престарелых кораблей российского флота попадет в беду, которая заставит трезво оценить возможности боевого и демонстрационного применения ВМФ. Одним из путей стабилизации морских коммуникаций может быть расширение пункта базирования в Тартусе, который [зачастую изображается](#) полноценной базой, но на самом деле представляет собой пару причалов и несколько складов. Новое соглашение об аренде, подписанное в январе 2017 года и недавно внесенное Путиным на [ратификацию](#) в Государственную Думу (необходимость такого шага неочевидна), допускает значительное расширение, обставленное рядом условий, но может быть расторгнуто в течение года. При

отсутствии крупных надводных кораблей и ненужности такой базы для подводных лодок, Тартус может стать пунктом базирования отряда малых ракетных катеров класса «[Каракурт](#)» (Проект 22800, восемь единиц в постройке, еще четыре законтрактованы). Одной из проблем при планировании расширения российской базы в черте сирийского порта является высокий риск террористических атак, и [взрывы](#) в мае 2016 года должны послужить уроком.

Инвестиции в сирийскую базу могут быть сочтены «геополитически необходимыми», но их придется изыскивать в сокращающемся оборонном бюджете. Командование ВМФ явно предпочтет добавить финансирования своей кораблестроительной программе, нежели урезать фонды на ремонт флагманов для того, чтобы осваивать не слишком нужный и надежный Тартус. Помимо всех прочих расходов, флот активно работает в Арктике, что означает не только строительство баз, но и введение в строй новых кораблей. В составе Северного флота никогда не было кораблей ледового класса, но теперь новая серия сторожевых катеров типа «Иван Папанин» (Проект 23550) должна ликвидировать этот изъян. Затягивание строительства атомного ледокола «[Арктика](#)» говорит о серьезной нехватке средств, так что в ближайшие годы арктический приоритет будет жестко конкурировать с сирийским.

Выводы

Командование ВМФ и лоббисты ОСК будут продолжать требовать ресурсы, необходимые для реализации поставленных целей, но Путин скорее всего будет избегать жестких решений по приоритетам, направляя «президентские фонды» то на один проект, то на другую задачу. Такая «гибкость» представляет серьезную проблему как для планирования операций сокращающимся корабельным составом, так и для «потенциального противника», поскольку командование ВМС США и ведущих стран НАТО вынуждено оценивать риски по максимуму. Одним из таких рисков является возможное столкновение любой катастрофы на море как враждебного акта. В середине 2000 года Путин столкнулся с попытками адмиралов представить катастрофу подводной лодки «Курск» как результат столкновения с американской субмариной. Только решительное проявление политической воли опровергло эту «гипотезу», и неочевидно, что главнокомандующий найдет такую волю в следующей критической ситуации.

Перспектива усиления подводных сил российского флота в целом хорошо знакома командованию ВМС США, которое развернуло целый комплекс работ по созданию

средств противолодочной борьбы и [активно отслеживает](#) развертывание дизельных российских подлодок в Восточном Средиземноморье. Большую озабоченность вызывает появление противокорабельных ракет «Циркон», против которых пока не существует надежных средств защиты. Как и «Калибр», эти ракеты могут быть развернуты на небольших платформах, а возможность появления в Тартусе ракетного комплекса «Бастион», оснащенного ракетами «Циркон», может серьезно изменить баланс военно-морских сил в регионе.

Главное внимание в стратегическом и оперативном планировании НАТО уделяется сейчас противодействию военной активности России на Балтийском и – во вторую очередь – Черноморском театрах. Одним из важных моментов в этом планировании является тот факт, что российский флот вынужден направлять значительную и относительно возрастающую долю своих ресурсов на поддержку сирийской интервенции, что существенно снижает его возможности на этих двух театрах. Черноморский флот в особенности настолько загружен работой по обслуживанию сложных морских коммуникаций, проходящих через турецкие проливы, что его возможности по установлению эффективного контроля над районами непосредственной ответственности ослаблены, несмотря на важное значение баз в Крыму. Верховное командование не видит необходимости в приведении геополитических амбиций и стратегических сверх-задач в соответствие с сокращающимися возможностями. Боевой потенциал ВМФ сокращается быстрее, чем у любого другого вида вооруженных сил, и отсутствие реалистических оценок и разумных директив ведет к его глубокой деградации, чреватой риском катастрофы.